

РЕЦЕНЗИИ

Эдгар Залин. *Платон и греческая утопия*

Перевод с немецкого Л.В. Ланника. СПб.:
Владимир Даль, 2023. – 417 с.

Для цитирования: Волкова, Н.П. Рецензия на книгу *Платон и греческая утопия*, Эдгар Залин. *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 403–413.

For citation: Volkova, Nadezhda P. Review of *Platon und die griechische Utopie* by Edgar Salin. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 403–413. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 23.07.24

Принята к публикации / Accepted: 26.07.24

Несмотря на тяжелое экономическое и политическое положение в 20–30-х гг., Германия переживала интеллектуальный подъем. Античное наследие оказалось в центре внимания не только академических ученых, филологов-классиков, но и других интеллектуалов. Особый интерес стали вызывать социальные проекты Платона, его представления об идеальном государстве (πολιτεία) и воспитании (παιδεία). Интеллектуальный климат того времени во многом определял поэт и мыслитель Штефан Георге, в круг друзей и поклонников которого входил Эдгар Залин. Книга Залина «Платон и греческая

утопия»¹ вышла в 1921 г., вслед за монографией Фридемана «Платон. Его гештальт», став вторым трудом георгеанского платонизма. Залин выступает апологетом платонизма и призывает нас постигнуть суть «Государства» Платона, его подлинную, вечную и непреходящую идею, выраженную в поэтическом слове. Именно принадлежность миру идей, неуместность, утопичность политики Платона делает ее действительно реальной, как и весь его социальный проект, который становится «утопией о царствии» (*die reichische Utopie*), то есть умозрением непреходящего. Будучи гимном платоновской политики, книга Залина написана в специфическом георгеанском стиле, в котором слились философия и поэзия. Такой художественный сплав представляет большую сложность для перевода.

Появление книги Залина «Платон и греческая утопия» в Германии было неслучайным, интерес к Платону, а особенно к его модели идеального политического устройства, как накануне прихода к власти национал-социалистов, так и после него, был очень велик. В Веймарской республике (1918–1933) классическая филология переживала свой апогей, небывалых высот достигло изучение античной литературы и философии, у истоков которого стоял великий немецкий филолог Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф (1848–1931). Его учениками были Вернер Вильгельм Йегер (1908–1961), Герман Фердинанд Франкель (1908–1977), Вольфганг Шадевальдт (1900–1974), Пауль Маас (1880–1964), Пауль Фридлендер (1882–1968), Вальтер Кранц (1884–1960), Джорджио Паскуали (1885–1952), Гарольд Фредрик Чернисс (1904–1987) и многие другие. Однако восхищение античностью и преклонение перед классическими образцами не ограничивались университетскими кругами. Ключевой фигурой в интеллектуальной истории того времени был мыслитель и поэт Штефан Георге (1868–1933). В античности Георге видел не столько предмет изучения, сколько образец для подражания. Он окружил себя большим числом учеников и почитателей (т.н. «Круг Георге»),

¹ Edgar Salin, *Platon und die griechische Utopie* (München: Duncker & Humblot, 1921).

в числе которых был Эдгар Залин (1892–1974)². Сам Залин был человеком удивительно одаренным, но посвятившим себя не поэзии или филологии, а экономике и истории. Ссылок на его работу о Платоне не найти в современных исследованиях «Государства», так что значение этой книги, ценность ее идей, способ осмысления Платона становятся лучше понятны в историческом контексте.

В это время ясно обозначились два основных пути интерпретации Платона³. Первый, унаследованный от Фридриха Шлейермахера, трактовал Платона как поэта, метафизика и основоположника теории идей, второй делал акцент на его политическом прочтении, в центре внимания которого оказались произведения, посвященные государственному устройству и воспитанию, – «Государство», «Законы» и VII Письмо. В VII Письме Платон предстает реальным политическим лидером, активным участником политических событий. Акцент в этой новой интерпретации делался не на построении системы (теории идей), а на участии Платона в политике и педагогике, которые давали, как считалось, герменевтический ключ к пониманию его текстов. Такая оценка политической философии Платона возникла в русле консервативной критики Веймарской республики.

Новые толкователи Платона были как учениками Виламовица – Йегер, Фридлендер и др., – так и последователями и друзьями Георге – Курт Хильдебрандт, Вильгельм Андреэ, и Залин и др. Их прочтение опиралось на одностороннюю интерпретацию неписаного учения Платона как учения прежде всего политического, которое было представлено как политическое наследие Платона немцам, избранным преемникам греков. Немцы были объявлены подлинными наследниками античных идеалов. Поэтому считалось, что чем более «немецким» будет культурное развитие, тем более «греческим»

² Об отношениях Георге и Залина см. Михаил Маяцкий, *Спор о Платоне. Круг Штефана Георге и немецкий университет* (М.: Издательский дом ВШЭ, 2012), 110–138.

³ Teresa Orozco, «Die Platon-Rezeption in Deutschland um 1933», in *Die besten Geister der Nation. Philosophie und Nationalsozialismus*, hrsg. von Ilse Korotin (Wien: Picus, 1994), 141–185.

(παιδεία) в итоге оно окажется. Таким образом, греческое образование отождествлялось с немецким. Йегер стоял у истоков появления т.н. «третьего гуманизма», идейного движения в Германии 20–30-х гг., ставившего своей целью превращение системы духовных ценностей, унаследованных от классической Греции, в действующую силу современной немецкой культуры и образования. Имя «Пайдейя» Йегер дал своему трехтомному сочинению, ставшему главным трудом «третьего гуманизма»⁴. Само это название – «третий гуманизм» – впервые прозвучало в докладе ученика Йегера Эдуарда Шпрангера «Современное положение гуманитарных наук и школа», который он сделал в 1921 г., то есть одновременно с выходом книги Залина. После прихода к власти национал-социалистов Платон вместе с другими философами был поставлен на службу Третьему Рейху. Главный интерес продолжала вызывать платоновская пайдейя, а именно воспитание стражей («Государство» 376с–414b). Здесь нацистские рассуждения о красоте, здоровье, расе и власти находили свое идеальное выражение. Нацистские интерпретации определили судьбу «Государства» Платона после Второй мировой войны. Свою апологию демократического, буржуазного общества Карл Поппер начинает с обличения «чар Платона». В предисловии к русскому переводу «Открытого общества» Поппер пишет: «В этой книге я решил проследить историю, приведшую к возникновению гитлеризма, и обратился к учению великого философа Платона – первого политического идеолога, мыслившего в терминах классов и придумавшего концентрационные лагеря»⁵. Так Платон стал провозвестником машин смерти и холокоста, а лозунг «каждому свое» – краткой формулировкой принципа справедливости. Понадобилось много времени и усилий для

⁴ Wenner Jaeger, *Paideia. Die Formung des griechischen Menschen*, 3 Bde (Berlin: Walter de Gruyter, 1934, 1944, 1947). Перевод на русский: Вернер Йегер, *Пайдейя. Воспитание античного грека*, т. 1, пер. А.И. Любжина (М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001); Вернер Йегер, *Пайдейя. Воспитание античного грека*, т. 2, пер. Н.М. Ботвинника (М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997).

⁵ Карл Поппер, *Открытое общество и его враги*, 2 т. (М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992), 1:7.

того, чтобы снять с Платона эти обвинения, процесс его денацификации был долог и тернист⁶.

Эдгар Залин родился в 1892 г. во Франкфурте, в еврейской семье промышленника Альфреда Залина. Он получил классическое школьное образование в «Гётевской гимназии», проявив выдающиеся способности в изучении древних языков, о чём свидетельствует тот факт, что свою выпускную речь он написал на древнегреческом. Он продолжил изучать право, философию, историю литературы и искусства в университетах Мюнхена, Берлина, Гейдельберга. В 1913 г. в Гейдельберге он защитил докторскую диссертацию об экономическом развитии Аляски, а в 1914 г. отправился добровольцем на фронт, где получил тяжелые ранения. В 1918 г. Залин был назначен референтом в немецкое посольство в Берне, но через год возобновил университетскую карьеру в Гейдельберге. В 1924 г. Залин получает место на кафедре «Государственных наук, в особенности экономики и обществоведения зарубежных стран». В 1927 г. Залин становится ординарным профессором в Базеле, где он проработал до начала 1970-х гг., неоднократно избираясь ректором университета.

Свою монографию о Платоне Залин написал, находясь под влиянием Георга. Его книга «Платон и греческая утопия» стала второй работой в ряду георгеанского платонизма, после книги Генриха Фридемана «Платон. Его гештальт»⁷. В предисловии он определяет свое отношение к утопии. Утопия – это исконная форма обсуждения вопросов, связанных с развитием государства и критикой его актуального устройства. Однако современная наука, слишком увлеченная логикой, математикой и абстрагированием, отказалась от этой формы рассуждений. «Государство» Платона Залин также рассматривает как утопию, имеющую поэтическую форму, которая тем более оказывается чуждой для понимания современной науки. Платон – не единственный

⁶ Михаил Маяцкий, «К истории денацификации Платона в послевоенной Германии», *Логос* 90, № 6 (2012): 29–41.

⁷ Heinrich Friedemann, *Platon, seine Gestalt* (Berlin: Blätter für die Kunst, 1914). Перевод на русский: Генрих Фридеман, *Платон. Его гештальт*, пер. Д.В. Кузницын (СПб.: Владимир Даль, 2023).

античный утопист, Залин помещает его ряд других античных философов и мыслителей, к которым он относит Солона, Аристотеля, Ксенофонта, Зенона, Феопомпа, Гекатея, Эвгемера, Ямбула и Цицерона. Однако «Государство» Платона – это основополагающая форма утопии, которая имеет мало общего с рациональными построениями социал-реформаторов, потому что ее сущность находится в мире идей, а не среди вещей, то есть она в прямом смысле слова лишена места. Но именно поэтому утопия Платона обладает не меньшей, а большей действительностью. Залин называет ее «утопией о царствии»⁸ (die reichische Utopie), или «имперской утопией», «царственной утопией», потому что только слово Reich, с его точки зрения, отражает, пусть и слабо, вложенный Платоном в понятие государства смысл. В отличие от прочих земных государств, в центре которых были политическая власть и экономическое могущество, в «Государстве» Платона центральными оказываются воспитание и образование (παιδεία). Залин отмечает повторяющееся триединство основных принципов в мире, государстве и человеке: человек – государство – космос, ремесленники – стражи – философы, вождедеющая – страстная – разумная части души, в котором искомое подобие низшего высшему достигается путем оформления или воспитания. «Государство» – такой же миф Платона, как рассказ Тимея, поэтому оно не проект, а культовое сооружение, храм, совершенство которого тождественно совершенству его правителей и граждан, а закон известен только Богу. Неверно считать Платона предшественником современного социального утопизма, он далек от идей коммунизма, прежде всего потому, что его государство – это живой организм, устроенный в соответствии с божественным прообразом, а не неловкий механизм социальных реформаторов.

Необходимо сказать о стилистических особенностях книги Залина, которые были точно подмечены самим Георге. Залин вспоминает, что после прочтения его книги поэт высказался критически.

⁸ Я цитирую Залина в переводе Ланника, который переводит «Reich» как «царствие».

Критика затронула сначала язык. Похвально, что он самобытен, что он избежал «гунделевщины»⁹; обращает на себя внимание, что тональность и стиль оставляют ощущение разговорной, не письменной речи, чем, возможно, объясняется особая наглядность и рельефность отдельных мест. Но из этого – или из дурных ученых привычек? – следует непомерная длина многих фраз <...>¹⁰.

Действительно, некоторые предложения оказываются настолько длинными, что читатель невольно забывает их начало до их завершения, при этом синтаксис оказывается подвижным, близким к разговорному. Насыщенный скрытыми и явными философскими цитатами и аллюзиями, играющий оттенками смыслов, поэтический язык Залина труден для перевода.

Перевод на русский язык книги «Платон и греческая утопия» принадлежит д.и.н. Леонтию Владимировичу Ланнику. Среди других его переводов книги профессора политологии берлинского Университета имени Гумбольдта Герфрида Мюнклера¹¹ и немецкого историка Фрица Фишера¹². Без сомнения, Ланник – исследователь, глубоко погруженный в изучение истории Германской империи в первой четверти XX в., но его больше интересуют ее военная и политическая, чем интеллектуальная, составляющие. К сожалению, представленный перевод очень тяжело читать, приходится о многом догадываться или часто сверяться с текстом оригинала, чтобы уловить смысл написанного. Зачастую переводчик оставляет порядок слов немецкого предложения, помещая подлежащее в начале, а сказуемое в самом конце, так что кажется,

⁹ Фридрих Гундольф – немецкий поэт, литературовед, германист, последователь Геогре. Гундольф принадлежал к числу самых именитых профессоров Веймарской республики. Его стиль отличался одновременно академизмом и барочностью. Среди учеников Гундольфа был будущий министр пропаганды Геббельс.

¹⁰ Цит. по: Маяцкий, *Спор о Платоне*, 115.

¹¹ Герфрид Мюнклер, *Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США*, пер. Л.В. Ланника (М.: Кучково поле, 2014).

¹² Фриц Фишер, *Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.*, пер. Л.В. Ланника (М.: РОССПЭН, 2017).

что это черновой набросок перевода, а не его отредактированный вариант. Также вызывает недоумение, почему, несмотря на внушительный состав редколлегии, в книге так много опечаток в древнегреческом, они есть почти в каждой греческой цитате. К сожалению, встречаются и явные ошибки в переводе. Приведу только два примера:

Wer die Vereinigung von Ruhe und Bewegung, von Vollkommenheit und Streben, von Schicksal und Leben, von Gott und Mensch, von Ewigkeit und Zeit einmal in symbolischem Bilde gesehen und in deutendem Wortbild ausgesprochen hat für den bleibt alles Leben, alles Wachsen, alle Reife und alles Vergehen an dies eine Gesetz gebunden, mag auch der Stoff, in dem es sich verdeutlicht, noch so wechseln – die Form, in der sich das Gesetz gestaltet, das Wort, in dem es ausgesprochen wird, noch so verschiedenes Antlitz tragen¹⁵.

Пер. Л.В. Ланника:

Тот, кто хоть раз усмотрел в символическом ключе единство покоя и движения, совершенства и устремления, судьбы и жизни, Бога и человека, вечности и времени и смог найти для этого отчетливые средства выражения для него, все живое, растущее, зрелое и все преходящее оказывается связано этим законом, так что он может менять и материю, в которой это проявляется, а форма, в которой заявлен закон, слова, которыми он описан, еще могут иметь различное обличье (с. 80).

Если синтаксис немецкого предложения не вполне прозрачен, то синтаксис русского просто ошибочен. Во-первых, указательное местоимение «тот», с которого начинается предложение, не имеет сказуемого. Во-вторых, неправильно поставлена запятая после «для него», нужно было – перед. Тогда можно было бы согласовать «тот» и «для него», получилось бы «для того, кто...», «для него...» и т.д. В-третьих, у глагола «mag» подлежащим оказывается «закон», а не «материя» (der Stoff), что грамматически неверно. Так что получается, что закон может

¹⁵ Salin, *Platon und die griechische Utopie*, 34.

как-то менять свое подлежащее, а не то, что подлежащее может меняться в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. В-четвертых, конец предложения, по-моему, вообще теряет смысл. Например, неясно, что такое «это», в предложении, определяющем материю, «в которой это проявляется». Если под «этим» понимать живое, растущее и т.п., как в русском переводе Ланника, то с точки зрения платонизма живое не проявляется в материи, наоборот, в материи появляются, или проявляют себя, идеи, поэтому в немецком тексте стоят субстантивированные инфинитивы (Leben, Wachsen) и существительные, обычно маркирующие идеи.

Со своей стороны, я бы предложила такой перевод:

Кто однажды усмотрел в символическом образе соединение покоя и движения, совершенства и стремления, судьбы и жизни, Бога и человека, вечности и времени и выразил его в интерпретирующем словесном образе, для того всякая жизнь, рост, зрелость и упадок остаются связаны с этим одним законом, как бы ни менялся материал, в который он помещен, так же как могут иметь другое обличье форма, в которой закон сам себя реализует, и слово, в котором он высказывается.

Развивая свою мысль, Залин продолжает:

War das Reich und seine Ordnung kraft der Einsicht in Platons Harmonievorstellung als dreieiniger Organismus begriffen worden, so ist nunmehr die Grundlage von Platons Forderung des kreishaften Wachstums des Reiches im Räume und des In-Bewegung-Gleichbleibens des Reiches in der Zeit aufgeheilt¹⁴.

Пер. Л.В. Ланника:

И если царство и его порядок, согласно взглядам Платона, еще могут в представлениях о гармонии рассматриваться как единый организм, то теперь и основания для платоновского понимания кругового разрастания царствия в пространстве, но при этом сохранение им себя неизменным в движении должны быть отнесены и ко времени (с. 80).

¹⁴ Salin, *Platon und die griechische Utopie*, 34.

Во-первых, прилагательное «триединый» (*dreieiniger*) переведено просто как «единый», хотя понятие триединства очень важно для концепции Залина. Во-вторых, предложение неверно согласовано, потому что речь у Залина идет не о том, что «царство и его порядок» могут рассматриваться «в представлениях о гармонии», а о том, что они могут рассматриваться на основании представления Платона о гармонии. В-третьих, неверен перевод «основания <...> должны быть отнесены» (*die Grundlage <...> aufgehellt ist*); скорее здесь имеется в виду, что основание прояснилось, стало ясным. В итоге в переводе Ланника в этом предложении вообще трудно уловить какой-либо смысл, но все становится на свои места, если перевести его как:

Если бы на основании представления Платона о гармонии государство и его порядок были поняты как триединый организм, то тотчас прояснилось бы основание для требования Платона к круговому росту государства в пространстве и к постоянству его движения во времени.

Нужно отметить, что такого рода ошибок в тексте достаточно много. Перевод вызывает желание его серьезно редактировать. Размышления Залина настолько замыливаются ошибками и неточностями перевода, его плохой стилистической обработкой, что в итоге теряют смысл.

Книга Залина «Платон и греческая утопия» вышла в серии «Platoniana» издательства «Владимир Даль», в которой ранее были опубликованы такие работы, как «Платон. Его гештальт» Генриха Фридемана, «Теология ранних греческих философов» Вернера Йегера, «Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933)» Рихарда Поле и другие. Без сомнения, эти переводы по-новому открывают русскому читателю историю изучения и рецепции Античности в начале XX в. в Германии. Книга Эдгара Залина «Платон и греческая утопия» заслуживает особого внимания. Она интересна во многих отношениях, во-первых, как пример георгеанского стиля прочтения Платона. Во-вторых, как продукт высокой интеллектуальной культуры, когда обучение древнегреческому языку было частью школьной

программы. И, наконец, как памятник эпохи надежд и несбывшихся мечтаний, на развалинах которых бурным цветом расцвел нацизм.

Н.П. Волкова

Институт философии РАН
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
go2nadya@gmail.com